

Е. А. Матвиенко

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ РУССКОГО ФИЛОСОФА ПРАВА ГЕОРГИЯ КОНСТАНТИНОВИЧА ГИНСА

В статье анализируются философско-правовые взгляды русского философа права Г. К. Гинса. Показано своеобразие его представлений о сущности и происхождении права, правосознании, взаимодействии права и культуры. Обосновывается актуальность воззрений этого незаслуженно забытого исследователя.

Ключевые слова: право, закон, культура, правосознание, правовая культура, правовое развитие.

Е. А. Matvienko

GEORGE KONSTANTINOVICH GINS, THE FORGOTTEN PHILOSOPHER OF LAW

In the article the author analyzes philosophic and legal views of G. K. Gins, the Russian philosopher of law. The specific character of his vision of the essence and origin of law, legal awareness, interaction between law and culture is shown. The author gives grounds for the urgent character of this undeservingly forgotten researcher's views.

Keywords: law, culture, legal awareness, legal culture, legal development.

Георгий Константинович Гинс (1887—1971) прожил долгую, насыщенную событиями жизнь. Ее событий с лихвой хватило бы на несколько «стандартных» биографий [1]. Он родился в Новогеоргиевской крепости (30 км от Варшавы), окончил гимназию в Кишиневе, затем — юридический факультет Санкт-Петербургского университета, где на него большое влияние оказал Л. И. Петражицкий. В 1910 г., будучи оставлен на кафедре гражданского права, одновременно становится служащим Министерства Земледелия. При этом Министерстве было создано Переселенческое Управление, призванное обеспечить проведение в жизнь столыпинской аграрной реформы. По заданию Управления Гинс совершил длительные путешествия в Семиречье и Туркестан, изучая условия жизни будущих переселенцев. В летние месяцы 1911—1912 гг. он успевает, помимо путешествий в Среднюю Азию и Казахстан, слушать лекции в Париже, Берлине, Гейдельберге.

В 1916 г. Гинс становится приват-доцентом Санкт-Петербургского университета, мечтает о

спокойной академической карьере. Но мечтам этим не суждено было сбыться ни в охваченной революционными событиями столице, ни в Сибири, куда в январе 1918 г. уезжает не принявший октябрьского переворота Гинс. Его политические симпатии в то время были на стороне кадетской партии, но в рамках Временного Сибирского правительства (ВСП), членом которого становится Гинс, он активно сотрудничает с представителями самых разных сил. Гинс находится в гуще политических событий, ведет переговоры, много ездит (посещает, в частности, Дальний Восток и Китай). После того, как адмирал Колчак объявляет себя Верховным правителем России, Гинс входит в состав созданного при Колчаке Совета министров, занимает различные посты (заместитель министра просвещения, министра иностранных дел, управляющий делами Совмина и т. д.). По сути, в период 1918—1919 гг. он становится одной из наиболее влиятельных фигур Белого движения.

Неутешительный итог периода своего активного участия в политической жизни Гинс подводит в широко известном двухтомнике мемуаров «Сибирь, союзники и Колчак». Он с горечью констатирует: «Омская диктатура, благодаря личным свойствам адмирала, могла бы легко приспособиться к духу времени и настроениям общества и населения, но вместо этого она приобрела жестокий и суровый характер, сверху донизу проникнувшись духом недоверия и злобы. Местные военные сатрапы, своевольные атаманы, бесчисленные коменданты, цензура, бездарные администраторы, милиция из жандармов — все это извратило природу омской власти» [2, с. 584, 585].

После поражения и гибели Колчака Гинс, разыскиваемый как реакционер и преступник, на японском военном поезде эвакуируется с семьей в Харбин. Здесь он занимает один из ключевых постов в руководстве КВЖД. Одновременно он участвует в создании юридического факультета Харбинского университета, ведет активную преподавательскую деятельность. В 1941 г. под нажимом японских властей Гинс был вынужден перебраться в США. Осев в Сан-Франциско, он с 1942 г. становится редактором газеты «Русская жизнь», читает лекции по русской культуре, советскому праву и цивилизации, работает консультантом радиостанции «Голос Америки», активно публикуется.

Следует отметить, что на всех этапах своего жизненного пути Георгий Константинович Гинс не прекращал активной научной работы. Уже в начале 1910-х гг. он выступает одним из авторов знаменитого Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. Последние его крупные работы, посвященные перспективам развития права и государства в СССР, выходят в 50-х гг. Между этими датами — сотни статей и десятков объемных книг. Достояна уважения и широта научных интересов Гинса — история, этнография, юриспруденция, экономика, социальная философия, философия права. Именно последней он уделял максимальное внимание в наиболее плодотворный («харбинский») период своего творчества. Именно попытка

(предварительного) анализа философии права Г. К. Гинса и составляет основную цель предлагаемой статьи. Заметим, что его разработки в этой области сегодня практически забыты (чему в немалой степени способствует и то, что работы «харбинского» периода давно стали большой библиографической редкостью). В то же время разработки эти, на наш взгляд, нисколько не утратили своей актуальности.

Гинс начинает свой анализ с констатации (еще более очевидного сегодня) факта, что жизнь современных народов чрезвычайно сложна. В обществе сосуществуют пестрые представления о праве и справедливости (ситуация мультикультурализма. — *Е. М.*). Законодатель «мечется» между различными интересами. Он то стремится к компромиссу, то радикально меняет облик правовой системы. «Темп жизни слишком быстр, интересы и стремления слишком различны... Легко создаются всевозможные проекты и в осуществлении их обнаруживается слишком много смелости» [3, с. 1].

Выступая духовным наследником естественно-правовой традиции, Гинс видит задачу права в служении общему благу. В то же время право для него вовсе не представляет собой явления метафизического. Преодолеть негативные тенденции в современном обществе можно, только если будет проанализирована связь права с другими явлениями культуры. Причем связь эта должна быть установлена по меньшей мере в двух аспектах: в отношении условий развития права и в отношении его общих принципов и основных задач (идеалов).

Право, таким образом, «привязывается» к конкретным культурно-историческим реалиям. Однако эту привязку вовсе не следует понимать в духе жесткого детерминизма в духе Монтескье (утверждавшего, например, что «власть климата сильнее всех иных властей») [5, с 265]. Сам Гинс формулирует следующие основные принципы своего подхода:

1. Право — продукт культуры. Его развитие зависит от психологических особенностей общества (используя современную терминологию — от менталитета народа. В этом пункте воззрений Гинса особенно отчетливо

«просвечивает» влияние его учителя Петражицкого — *Е. М.*)

2. Чем более высок уровень культуры общества, тем сильнее сознательное воздействие человека на процессы развития права. Разумеется, эти процессы развиваются отнюдь не линейно. Они характеризуются огромным разнообразием, зигзагами, скачками [5, с. 202]. Однако человек вполне способен контролировать эти процессы, поставить их себе на службу, сделать их средством, открывающим пути к дальнейшему развитию культуры. И чем дальше, тем больше процесс правового развития подчиняется сознательному воздействию [5, с. 203; 2, с. 2]. Право, таким образом, предстает не только как пассивный объект приложения культурных сил, но и как творческое начало, активное преобразующее культурное пространство в интересах общества. Гинс подчеркивает, что без высокого уровня культуры (главным орудием которой выступает именно право) современные государства просто не могли бы существовать [3, с. 3].

В вопросе о возникновении права Гинс сближается со сторонниками социологического правопонимания. Формирование права — это процесс приспособления человеческого коллектива к условиям совместной жизни. Оно происходит постепенно и незаметно, выявляется в фактических поступках людей, закрепляется в определенном жизненном укладе. Те или иные действия начинают восприниматься как запрещенные или обязательные. Осознание стихийно сложившегося положения вещей приводит к появлению системы формально определенных правил поведения [2, с. 4]. Единообразное поведение участников общественных отношений устраняет споры и недоразумения. Поступок, однажды совершенный и не вызвавший раздражения, имеет тенденцию повторяться. Раз известный *modus operandi* сложился, то при сравнении с другим образом действий он получает более высокую оценку. Неизбежно возникающие конфликты ведут к появлению соответствующих притязаний, а затем и собственно правовых норм [3, с. 20].

Внешние (по отношению к индивиду) формы правильного поведения «механизируют» это поведение, облегчая тем самым процесс управления обществом. На ранних стадиях исторического развития, когда социум невелик по размеру, это, может быть, и не столь важно. При конфликте можно обратиться к авторитету общепризнанного вождя, существующий обычай един и хорошо всем известен. В более сложном обществе это невозможно, так как оно состоит из множества групп со своими представлениями и ценностями. Наличие писаного закона — единственная в данной ситуации возможность избежать произвола. Отсюда вывод: лишь когда нация приобретает первый общенациональный сборник законов — ее государственность можно считать окончательно оформившейся [3, с. 62, 63].

Гинс особо подчеркивает, что происхождение права никак не связано с биологическими основаниями существования людей. Оно полностью определяется их общественной, культурно организованной жизнью. А поскольку эта жизнь выстраивается в различных условиях, постольку различны и ее правовые регуляторы [3, с. 17]. Итог под этой частью рассуждений философа подводит чеканная формула: «Право и нравственность — продукты культурного сознания, возникающего в условиях человеческого общежития, в силу обмена опытом и формулировки необходимых для совместного существования правил поведения» [3, с. 18].

Гинс весьма точно подмечает и такую особенность человеческой психики, как тягу к стабильности, определенности. Эта тяга способствует и формированию права (постоянно повторяющиеся факты мы склонны воспринимать как норму), и его закреплению (ради определенности мы готовы мириться с недостатками существующего правопорядка) [2, с. 34, 35]. Гинс готов даже отчасти согласиться с мнением, что в области права уверенность более важна, чем справедливость. «Спасительная консервативность права внушает доверие к его прочности», — пишет он [3, с. 107, 109].

Однако русский философ вовсе не встает тем самым на охранительные позиции. Отдавая должное правовой статике, он подробнейшим

образом разбирает и правовую динамику. «Окаменение», «кристаллизация» права крайне опасны. Развитие общественной жизни требует изменений в законодательстве. Если право «не поспевает» за общественной эволюцией, это приводит к снижению его социальной значимости. Оставаясь продуктом культуры известного уровня, оно перестает быть фактором ее дальнейшего развития [3, с. 110].

Гинс указывает также, что «неподвижность» права обычно соответствует интересам привилегированных слоев общества. Их преимущества (в свое время, возможно, вполне оправданные) закрепляются правом. Тем самым создаются препятствия для развития более прогрессивных социальных сил [3, с. 180, 181]. Следствием попыток их преодолеть выступает классовая борьба. Если же учесть, что изрядный консерватизм присущ любой правовой системе по определению, точка зрения Гинса неожиданным образом сближается здесь с марксистской. Впрочем, скорее всего речь здесь идет лишь о случайном сходстве: учитывая биографию ученого, заподозрить его в симпатиях к Марксу довольно трудно.

Но каким образом эволюция права вообще становится возможной? Что заставляет людей жертвовать в конце концов столь милым их сердцу постоянством ради новшеств, которым еще только предстоит доказать свою эффективность?

Гинс указывает, что один из блоков искомого причинного комплекса следует искать в трансформации культуры в целом. Культура эта (и в частности — социальная структура) непрерывно усложняется. Одни группы стремятся сохранить status quo, другие — изменить его в свою пользу. Население растет. Ускоряется темп жизни. Народы все более интенсивно взаимодействуют друг с другом. В области права распространяются подражание и заимствование... [3, с. 46, 47]. Остается лишь удивляться тому, как точно философ сумел разглядеть основные тенденции современной правовой жизни еще в 30-х гг. прошлого века! Разумеется, в таких условиях право просто обречено на изменения.

В то же время условия эти составляют лишь внешнюю канву правового развития. Внутренние

же механизмы неразрывно связаны с правосознанием отдельного индивида и общества в целом. Его анализу Гинс уделяет большое внимание. Народное правосознание зависит от ряда обстоятельств: каким образом происходило образование права; какое значение придавалось законодательству; как широко закон охватывал жизненные отношения; насколько властно он подчинял себе общество и насколько строго он соблюдался. Все это предопределяет темпы и масштабы правового развития [3, с. 54].

Особую роль в его ходе Гинс отводит так называемому «интуитивному правосознанию». Такое правосознание не связано какими-либо внешними авторитетами (к примеру, существующим законодательством). В то же время оно может вбирать в себя как новейшие тенденции эволюции общества, так и исторические уроки и образцы. Все это внезапно «всплывает» в форме личностного убеждения о том, как надо поступить в конкретной ситуации.

Индивидуальное правосознание не всегда удачно и своевременно. В то же время оно чаще всего выступает носителем передовых правовых ценностей. Его содержание — это справедливость, некая «внутренняя правда». Такое правосознание либо обращается непосредственно к высшим этическим принципам, либо выражает психологию какой-либо социальной группы (народа в целом) [3, с. 58, 59]. Роль интуитивного правосознания особенно велика в сложных культурах. «В большом обществе, благодаря общему мнению и тесному взаимодействию, очень легко образуются типичные мнения и настроения так же, как создаются репрезентативные типы, характеризующие своеобразные особенности времени» [3, с. 60].

Формами выражения интуитивного правосознания выступают, в частности, правовые идеи. Таким образом, философы права являются, по мнению Гинса, высшими выразителями правосознания и правовой культуры общества.

Таковы основные вехи философско-правовой концепции Г. К. Гинса. Несомненно, обозначенные в статье сюжеты требуют более детального анализа, который мы надеемся осуществить в последующих посвященных Гинсу публикациях.

Список библиографических ссылок

1. Гинс Георгий Константинович [Электронный ресурс]: Биографический указатель // Хронос. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_g/gins_gk.php (дата обращения: 12.10.2011).
2. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории: в 2 т. Пекин: Типо-литография Русской Духовной миссии, 1921.
3. Гинс Г. К. Право и культура: процессы формирования и развития права. Харбин, 1938.
4. Монтескье Ш. О духе законов. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955.
5. Гинс Г. К. Монгольская государственность и право в их историческом развитии // Вестник китайского права. Вып. III. Харбин, 1932.

© Е. А. Матвиенко, 2010